

RU

Проблема резолютивности в онтогносеологическом эссенциализме

Огнев А. Н.

Аннотация. Цель исследования состоит в актуализации аподиктически достоверных критериев сущностного единства бытия и мышления в резолютивном ключе на содержательном уровне категориального строя действительности. В статье предложено рассмотрение проблемы резолютивности со времён лейбнице-вольфовской метафизики по онтогносеологию М. А. Лифшица. Выявлена степень продуктивности теоретических установок онтогносеологического эссенциализма. Научная новизна заключается в выявлении нормативной функции резолютов в комбинаторной диспозиции классического категориального комплекса, а также в соотношении разных степеней полноты резолютивного комплекса с тремя содержательными массивами на уровне взаимно-однозначного соответствия. Полученные результаты показали релевантность резолютов в рамках концепции онтогносеологического эссенциализма.

EN

Issue of Resolutiveness in Ontognoseological Essentialism

Ognev A. N.

Abstract. The study aims to actualise apodictically reliable criteria for essential unity of being and thinking in a resolute way at the content level of the categorical structure of reality. The article provides consideration of the issue of resolutiveness from Leibniz-Wolff metaphysics to M. A. Lifshitz's ontognoseology. The researcher has determined how productive theoretical provisions of ontognoseological essentialism are. Scientific novelty of the study lies in identifying the normative function of resolutions in combinatorial disposition of the classical categorical complex, as well as in correlation of different degrees of completeness of the resolute complex with three content arrays at the level of one-to-one correspondence. The attained results have shown relevance of resolutions within the concept of ontognoseological essentialism.

Введение

Проблема резолютивности, образующая концептуальное средоточие онтогносеологического эссенциализма, состоит в необходимости нахождения критериев сущностного единства бытия и мышления, на основании которых то или иное содержание квалифицируется как идеируемая реальность. Актуальность темы обусловлена потребностью разума в реабилитации своих сущностных оснований, систематически дискредитируемых доктринами религиозного иррационализма, экзистенциализма и постмодернизма.

Решение проблемы резолютивности в онтогносеологическом эссенциализме предполагает дифференциацию основных теоретических задач:

- 1) сформулировать сущностный аспект проблемы резолютивности в контексте системообразующих связей её исходной тематической актуализации;
- 2) выявить основные тенденции легитимации проблемы резолютивности сущностного единства бытия и мышления в динамике процессов развития классической философии;
- 3) сформулировать на категориальном уровне нормативы классического позиционирования резолютов онтогносеологического эссенциализма.

В работе применяются следующие методы исследования: 1) метод функциональной сегментации резолютов, 2) метод диахронической реконструкции доминанты релевантного контекстообразования и 3) метод диалектического фокусирования прерогативной инстанции на уровне категориальной аналитики.

Теоретической базой исследования наряду с трудами основоположника онтогносеологии М. А. Лифшица, обосновавшего понятие прерогативной инстанции как субъектно-объектного дифференциала, можно считать лейбнице-вольфовскую метафизику, абсолютный историцизм Б. Кроче, диалектический актуализм Дж. Джентиле и принципы критической онтологии Н. Гартмана. При решении проблемы резолютивности

онтогносеологического эссенциализма на категориальном уровне в качестве тематического базиса принимается классическое учение Аристотеля.

Практическая значимость исследования заключается в использовании результатов в деле оптимизации дисциплинарного консенсуса онтологии и теории познания, логики и историко-философской дидактики в ходе преподавания философии, нацеленной на преодоление абстрактного антиисторического схематизма и постмодернистских фальсификаций гуманистической миссии философии.

Тематический базис проблемы резолютивности

Резолютивность философской мысли напрямую связана со способностью философии разрешать проблемы, находящиеся в средоточии её концептуального поля, исходя из титульных нормативов понятийного опосредствования, которые по показаниям данной теории отвечают критерию релевантности. Та или иная теория обладает большей или меньшей разрешающей силой относительно проблематизмов, попадающих в границы поля её значимых очевидностей, представленных в понятийных эквивалентах. Понятие, таким образом, составляет резолют (*resolutum*) теории, сохраняющий инвариантность для упорядоченного кортежа актов теоретического опосредствования, обладающих объяснительной значимостью. Резолют находится в средоточии проблемного поля, образуя его категориальную доминанту, задающую тематический базис теории. На основании понятийного резолюта решается вопрос о мере реальности той или иной предметной конфигурации, поскольку резолют задаёт параметрические значения идеации. Понятийный резолют фокусирует разрешающую силу теории в инвариантных формализмах, что, следуя признанию А. В. Мессера, «позволяет нам делать выводы относительно существующей независимо от нас реальности» [17, с. 32]. Резолют санкционирует предметное содержание, легализуя его в аквизитах мышления.

Понятийный резолют, составляя концептуальное средоточие философии, позволяет выявить противоречие между умопостигаемой сущностью и тем конечным ограниченным существованием, которое становится достоянием позитивного знания в его частнопредметных эпистемах. На основании критериальной значимости резолюта происходит разрешение противоречия между умопостигаемой свободой сущностного содержания и детерминативами, формализующими частнопредметные эпистемы относительно факта опыта. Отсюда уверенность младогегельянца Б. Бауэра в том, «что философия возникает и становится потребностью лишь тогда, когда зашатается данный реальный мир» [1, с. 82]. Принимая во внимание это обстоятельство, следует признать, что значимость понятийного резолюта внутри философской концепции обусловлена остротой конфликта между эссенциалистской презумпцией и экзистенциальными установками, возникающими на периферии проблемного поля. Исходя из примата сущности над существованием, философский эссенциализм усматривает в последнем лишь конечное, ограниченное выражение сущности, совместимое с условностями предметных данностей опыта. Экзистенциализм лишает понятийный резолют его критериальной значимости, делая ставку на привходящие аффекционалы, вокруг которых нагнетается ультимативный пафос, *per definitionem* не имеющий понятийного эквивалента. Классическая философия отстаивает позиции последовательного философского эссенциализма, тематизируя проблему единства бытия и мышления, опираясь на релевантный критерий тематического понятийного резолюта, обеспечивающего континуальность понятийного опосредствования в теории, сводимой к общему знаменателю инвариантного формата.

Понимание того обстоятельства, что понятийный резолют представляет собой экспликативный принцип (раскрывающий сущность в её упорядоченных аквизитах), впервые с надлежащей степенью ясности в истории новоевропейской философии было сформулировано Г. В. Лейбницем при постановке вопроса о способе отличения реальных явлений от воображаемых. Создатель теории предустановленной гармонии настаивал на том, что «мы признаём нечто понятным лишь тогда, когда его понятие окажется полностью развёрнутым (*explicatus*) и не будет содержать ничего неясного» [12, с. 110]. Экспликативный потенциал понятийного резолюта предполагает наличие критериев: 1) яркости (*vividum*), 2) многосторонности (*multiplex*) и 3) согласованности (*congruum*). Первый критерий (*vividum*) предполагает выделение жизненной целостности формализуемого предметного содержания из общего массива фоновых перцептивных данностей, на основе которого идеируется гештальт сущего. Второй критерий (*multiplex*) характеризует его *sub specie* многообразия, поскольку ни один предмет не наличествует в области данного сразу всеми своими аспектами, а только теми, которые вписываются в структуру субъектно-объектного отношения, что, однако, не отменяет участия латентных сторон во внутреннем бытовании сущего. Третий критерий (*congruum*) указывает на тематическую связность в порядке явления, предполагающего наличие детерминативных факторов генезиса, объяснимого из общей гипотезы, опирающейся на внятные дефинитивные основания, в пределе допускающие аксиоматизацию. Понятийный резолют, соответствующий трём экспликативным критериям, удостоверяет реальность предмета через сущностные признаки, приводящие его к идеации *clare et distincte*. Понятийный резолют составляет *conditio sine qua non* истинного единства бытия и мышления, покоящегося в своих сущностных границах и допускающего верифицируемое изменение за счёт аккомодации к порядку актуализации в явлении. Понятийный резолют *eo ipso* позволяет рассматривать вопрос о прецеденте соотношения бытия и мышления с учётом специфики актуализации сущностного предметного содержания, требуя рассмотрения сущности дела (*die Sache Selbst*) в эйдетике тождества, подобия и различия. Только в одном из трёх отношений резолют удостоверяет действительность, а два прочих надлежит трактовать либо

как возможное отношение, либо как необходимое отношение. Это ограничение, налагаемое модальным анализом, указывает на то, что понятийный резольют демонстративен по критерию *principii rationis sufficientis*, что подтверждает рациональность являемой сущности, вследствие чего она предстаёт 1) понятной, 2) познаваемой и 3) постижимой. Проблема в том, что эти диспозиции актуализируемы не одновременно, а относительно разных аспектов сущностного содержания, выступающего под знаком одного и того же формата в 1) подлинном, 2) замещённом и 3) превращённом виде.

Особенность классической метафизики новоевропейского рационализма (и лейбнице-вольфовской метафизики в частности) состояла в том, что при обострённом интересе к проблеме аксиоматизации формата сущности она оставляла вопрос о названных содержательных дистинкциях в небрежении. Именно это и делало эту эссенциалистскую по своему исходному замыслу метафизику абстрактной и толкало её на путь теоретической догматизации, приведшей её в дальнейшем к всеобъемлющему идейному кризису. У истоков этого процесса стоял Х. Вольф. Будучи жёстким эссенциалистом перфекционистского типа, Х. Вольф в своих «Разумных мыслях о Боге, мире и душе человека...» предложил рассудочно-правильное, но малосодержательное видение самой проблемы сущности: «То, в чём можно найти основание другого, присущего вещи, называется сущностью (*Wesen*). И тот, кто знает сущность вещи, может указать основание всего того, что ей присуще. Но если понимают, посредством чего вещь определена в своём роде, то знают её сущность» [3, с. 243]. В вольфианстве само представление о проблеме транзитивности между понятностью подлинного и познаваемостью замещённого содержания отсутствует. Не в последнюю очередь это обусловлено и тем обстоятельством, что в лейбнице-вольфовской метафизике действительность ограничивается в своём сущностном составе одними только вещами, тогда как процессы и состояния рассматриваются как их производные, не имеющие самостоятельного предметного габитуса. В дальнейшем немецкая классика абсолютизировала процессы, совершив ошибку того же типа, но с иным мотивационным комплексом, дающим другой спектр теоретических aberrаций. Важным достижением вольфианского эссенциализма следует считать интуитивное различие 1) теологической, 2) психологической и 3) космологической перспектив обобщения, выводящее на представление о квалифицированных дистинкциях между 1) тождеством, 2) подобием и 3) различием в базе сущностного единства бытия и мышления. Закон достаточного основания (*der Satz von einem zureichenden Grunde*) легализует взаимно-однозначное соответствие на этом уровне в качестве признака действительности, выводимого *a priori* на основании той или иной аксиоматики из соответствующего понятийного резольюта. И. Кант заметил в связи с лейбнице-вольфовской метафизикой эту особенность демонстративного догматического формализма, подчеркнув: «Лейбниц сравнивал между собой предметы чувств как вещи вообще только в рассудке» [9, с. 259]. В догматизме лейбнице-вольфовской метафизики на сущностном уровне различимы Бог, душа и мир, но представление о допустимости конверсии по онтогносеологическому лимиту понятийного резольюта трёх разновидностей содержания (соотносимых с нормативами понимания, познания и постижения) здесь отсутствовало. У Х. Вольфа это усугублялось его стремлением свернуть на путь чистого онтологизма, отложив теоретико-познавательные инициативы «Новых опытов» Г. В. Лейбница. Симптомом этого теоретического неблагополучия стал двойственный статус логики в вольфианстве, которая, с одной стороны, рассматривалась как пропедевтика онтологии, а с другой, – представлялась выводным королларием экспериментальной психологии. *Circulus in probando* был несовместим с линейностью познавательного процесса и оказывался источником фатальной догматизации базовой эссенциалистской презумпции, в соответствии с которой, по свидетельству К. Фишера, «вещи мира составляют ряд возрастающего, сам же мир систему равномерного совершенства» [20, с. 436].

Резольютивный аспект сущностного единства бытия и мышления

После коперниканского поворота, совершённого И. Кантом, перфекционистские тенденции, связанные с абсолютизацией вещественного габитуалитета единства бытия и мышления, сменились абсолютизацией процессуальности. Кантовский тезис о непознаваемости вещи-в-себе был преподнесён в критицизме в алармистском ключе, хотя его действительный смысл исчерпывался представлением о том, что процесс познания вещи не тождественен самой познаваемой вещи. Более того: из того, что нечто не исчерпывается в сущностном плане в процессе познания, не следует, что оно недоступно для понимания в аспекте подлинного содержания, ибо в противном случае само понятие о *Ding an sich* не имело бы никакого смысла, а равным образом не следует и вывод о непостижимости его в виде превращённого содержания. Непознаваемость характеризует только замещённое содержание познания, которое вызвано неисполнимостью субституций в категориальном плане, что, однако, во-первых, может быть компенсировано в ходе познавательного процесса, а во-вторых, вызвано к жизни исходной тематической пресуппозицией критицизма (*Problemstellung*). Если вещь-в-себе выступает в качестве концептуальной аббревиатуры действительности, то бессмысленно спрашивать о том, возможна ли она, если исходить из того, что действительным становится нечто из сегмента возможного, которое оказывается подводимым под форматив закона достаточного основания, соответствуя идеалу комплементарности мыслимых без противоречия возможностей, оптимум которых предвосхищён в понятийном резольюте согласованности как *congruum*. Эта постановка вопроса оказывается значимой только в качестве невротической установки в познании, что характеризует *Ding an sich* как патологическое псевдопонятийное новообразование, лишённое автосемантического содержания. Вот почему в иррационализме Ф. Г. Якоби вопрос об условной возможности наличного бытия сукцессивной данности выносится

за пределы понятийных связей и трансформируется в жёсткую альтернативу экзистенциализма и эссенциализма: «...человек обладает разумом, или разум обладает человеком?» [25, с. 192]. К такому провокативному заострению проблемы классика была готова морально, хотя и не обладала подходящим методологическим обеспечением на частнопредметном уровне. В «Наукоучении» И. Г. Фихте этот мотив достигает предельной ясности, когда мыслитель признаёт, что целью Наукоучения как исполненного критицизма является отрицание индивидуальности в теории, предваряющей её практическое моральное преодоление в реальности тотального государства. Тогда будет вполне логичным признать, что «вещь-в-себе» не обладает никакой иной реальностью, кроме той, какую ей сообщает долженствование. Фихтеанство психопатически опротестовало иррационалистическую провокацию Ф. Г. Якоби, когда И. Г. Фихте в «Основе общего наукоучения» заявил: «Согласно понятию чистого отношения, совершенно безразлично, какой из двух противоположностей будет приписана реальность и которой из них отрицание» [19, с. 316]. Это означало отказ от аксиоматизации выбора между эссенциализмом и экзистенциализмом. Проблема в том, что *arbitrium liberum indifferentiae* несовместима с фихтеанским моральным пафосом тотальной мобилизации (*totale Mobilmachung*) в ключе гносеологического монизма.

Между *reservatio Jacobeae* и фихтеанством зияет понятийный hiatus, напоминающий семиотическую фикцию «отсутствующей структуры» в духе У. Эко. В роли утраченной «Поэтики» Стагирита выступает пресловутая «проблема Рейнгольда»: если бы проблема соизмеримости бытия и мышления была разрешима в понятийных резолютах на уровне элементарной философии, то не было бы нужды и в наделении сверхценным статусом метафизического вопрошания пресловутого «основного вопроса философии». Потребовался утончённый ум С. Маймона, чтобы относительно проблемы элементарной философии состоялось следующее признание: «...материя и форма не просто мыслятся посредством различных своих отношений, но и познаются благодаря своим внутренним признакам» [16, с. 95]. Тезис С. Маймона предполагает радикальную ментальную интериоризацию понятийного резолюта критицизма, которая в рамках немецкой классической философии была теоретически неисполнимой. Только Б. Больцано на подступах к проблеме актуальной бесконечности отважился преобразовать операциональный символ предельности вещи-в-себе в структурную абстракцию “*Satz an sich*”, разрешимую в оппозиции теории множеств с канторовским парадоксом, представляющим собой анамнезис классического онтологического доказательства, несовместимого с диспозициями критического канона. Превращение понятийного резолюта единства бытия и мышления в троп «отсутствующей структуры» стало ключевой фигурой умолчания в системах высокой немецкой классики. Ф. В. Й. Шеллинг позиционировал её как индифференцию в аспекте особенной продуктивности, а Г. В. Ф. Гегель – как «хитрость разума» (*List der Vernunft*). При этом шеллингианская индифференция позиционируется через обратимость идеального и реального в ключе онтологического дуализма посредством парадокса потенцированной автореферентности самосознания. Вот почему исходным моментом в системе трансцендентального идеализма становится ментальная интериоризация понятийного резолюта: «Трансцендентальный философ спрашивает не о последнем основании нашего знания, лежащем вне его, но вопрос сводится к тому, что в самом нашем знании является таким последним, за пределы чего мы не можем выйти» [22, с. 33]. Гегелевская мысль осуществляет снятие (*Aufheben*) дуалистической постановки вопроса о понятийном резолюте, превращая понятие в Абсолют в ключе онтологического монизма: «Знание знает не только себя, но и негативное себя самого, т.е. свой предел. Знать свой предел – значит уметь собою жертвовать» [5, с. 433]. *Sacrificium intellectus*, будучи по форме своей демонстративным теологическим рецидивом, оказывается процессуальным габитуалитетом гегелевской «хитрости разума». Последняя востребована логикой реализации идеи Абсолюта в становлении, известного со времён спекулятивной мистики Мейстера Экхарта. «Голгофа Мирового Духа» оказывается риторическим приёмом, призванным отвлечь внимание от трансцендентальной подтасовки – от подмены понятийного резолюта рациональности мистерией Абсолюта, онтологизирующего понятия в пределе их сходимости как в функциональной «отсутствующей структуре» их содержательного исчерпания. Реакция на этот диалектический фарс не заставила себя долго ждать.

Если действительность в целом предстаёт отчуждённым от своей сущности парафразами потустороннего Абсолюта, то резолютивность как познавательного процесса, так и практического отношения к миру становится частным делом (*Privatsache*) субъекта, предметная определённости которого оказывается насильственным овнешнением его аутентичного сущностного содержания. Реальное обращение спекулятивных мистерий классики вызывает к жизни последовательную номиналистическую позицию, с которой все процедуры гегелевской диалектики переосмысляются индивидуалистически, что нашло своё отражение в младогегельянском критическом радикализме М. Штирнера с его признанием: «Ничто – вот на чём я построил своё дело» [24, с. 7]. Такого рода позиционирование тропа «отсутствующей структуры» представляет собой демонстративный акт самополагания свободы сознания, которому нет нужды легитимировать своё сущностное содержание в реалиях предметного обстояния. Нигилистическая формализация идиоматики негативного мышления есть индекс удалённости от реализма действительной жизни, опредмеченной в природе вещей, процессов и состояний. «Единственный» (*der Einzige*) М. Штирнера оказывается сингулярным фокусом идеации нигилистического пафоса, логос которого потенциально репрезентируется в том, что составляет его собственность (*sein Eigentum*). Претворить эту установку в логику, допускающую резолютивную реификацию сущности, в Век Прогресса можно вполне материалистически, что, однако, предполагает дезактуализацию нигилистического пафоса в содержательном отношении по мере придания ему формальной определённости в объёме рационального предметного присвоения. Реальное обращение спекулятивного реализма в нигилистический номинализм делает тривиальный логический факт противопоставления объёма и содержания понятия резолютивным сюжетом *suī generis*, выявляющим резистентность предметной сущности под легендой

материи как гаранта онтологического суверенитета. Это приводит к отказу от основного идеалистического воззрения и к явочной онтологизации пространства (Raum) и времени (Zeit) в антропологическом эссенциализме Л. Фейербаха: «Пространство и время – не простые формы явлений: они коренные условия, формы разума, законы как бытия, так и мышления» [18, с. 135]. Ему вторит Л. Бюхнер: «Бесформенная материя такая же нелепость, как форма без сформованного; она логически немыслима и не существует эмпирически, т.е. в природе» [2, с. 50]. На этом этапе классический принцип гилеморфизма налагает ограничения на попытки позиционировать материю субсистентно, но значимы они лишь эмпирически, но не в понятии своего предела, о чём свидетельствует Е. Дюринг: «Форма жизни осуществляется в наиболее сознательном виде лишь тогда, когда она представляется как определённо ограниченная последовательность функций, однажды где-нибудь достигающих своего конца» [8, с. 209]. Диалектический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса упразднил это теоретическое ограничение как последнее препятствие на пути субсистентного позиционирования материи в качестве метафизического Абсолюта, который не перестаёт быть таковым по существу, если действительность преподносится в диалектическом ключе.

Материалистическая рекурсия к Абсолюту, неизбежная для последовательного онтологического монизма, повторяет судьбу исходного спиритуалистического прецедента, а потому и к ней относимы аргументы против самого этого понятия, сформулированные в пессимистическом волюнтаризме А. Шопенгауэра с позиций посткритического иррационализма: «Слово *абсолют* (Absolut), взятое само по себе, есть нечто совершенно бессмысленное. Ибо оно – прилагательное (absolut), т.е. обозначение предиката, а предикат должен относиться к какому-нибудь объекту. Но ведь закон основания, неоспоримый закон, гласит, что *каждый объект* находится в необходимой связи с каким-либо другим; предикат же абсолютное (absolut) не выражает ничего другого, кроме отрицания связи с чем бы то ни было; это противоречит всякому объекту, – следовательно, предикат этот не может быть высказан ни о каком объекте, ибо тем самым последний был бы уничтожен» [23, с. 131]. Возникновение догматического рецидива в материализме подтверждает утверждение И. Г. Фихте о догматической предестинации всякого материализма *toto genere*, а также позволяет согласиться с сетованием Б. Кроче на то, что марксизм унаследовал от гегельянства тенденцию к вульгарному догматико-теологическому прочтению принципов экономического детерминизма в истории. Коль скоро диалектика оказывается логикой видимости, обслуживающей псевдопонятие материалистического Абсолюта, она не может быть резолютивной в аспекте своей формализации. Отсюда проистекают уверения марксистов относительно ограниченности формальной логики, якобы пригодной только в частнопредметном познании, но требующей методологической опеки со стороны диалектики. Ресентиментная подоплёка этого хода мысли вполне очевидна. Пресловутая диалектическая логика пригодна для материалистического администрирования процесса познания, но она не вносит в него никакого реального вклада, поскольку *ab initio* была рассчитана на придание материи субсистентного статуса, а не на получение знания, обладающего объяснительной силой и имеющего резолютивный смысл, которого *per definitionem* не может быть в метафизической абстракции догматического рецидива, легендарного диалектически. Такова, по Г. Корнелиусу, «возможность возврата к материалистической метафизике» [10, с. 65]. Если исходное понятие, принятое за точку отсчёта, метафизично, то диалектика оказывается её парафразом вне резолютов а) жизненности, б) реального многообразия и с) согласованности того или иного сущностного содержания. Абсолют и онтогносеологические резолюты, разрешающие отношение между бытием и мышлением в действительность, оказываются теоретически несовместимыми.

Супранатуралистический спиритуализм и диалектический материализм оказываются аверсом и реверсом фальшивой монеты абсолютизированного принципа онтологического монизма, который, не будучи заблуждением *per se*, используется для поддержания эффекта трансцендентальной подтасовки понятий в условиях эпистемической инфляции познания, вызванной бесконтрольным расширением понятийного объёма при снижении резолютивного смысла сущностного содержания. Это можно считать побочным эффектом позитивистского прогрессизма, рассматривая указанное злоупотребление разумом в качестве цены иллюзии, которая может стоить дороже, чем сама действительность, по поводу которой эта иллюзия возникает в качестве идеологической ауры. Пониманию этого обстоятельства сопутствует констатация А. Фулье, указывающая на значение онтогносеологических резолютов: «Из того, что все суждения суть необходимые следствия antecedentov, не следует, что в сознании нельзя сравнивать их одно с другими, с суммой суждений и установить в сознании другие отношения, приводящие к различению ценности суждений» [21, с. 155]. Именно резолюты образуют критериальный масштаб для сравнения действительности с любыми неспецифическими эффектами, случающимися по её поводу. Тогда вопрос Д. фон Гильдебрандта «Существуют ли такие факты, которые нам известны помимо любого сущностного опыта?» [6, с. 130] приобретает совершенно иной смысл, нежели тот, которым он обладает внутри той или иной иллюзии, в которой обнаруживается *phaenomenon bene fundatum*. До кризиса позитивистского прогрессизма, вызвавшего эпистемическую инфляцию понятий, вполне позволительно было интерпретировать факт как спиритуалистически, так и материалистически, смотря по тому, в какого рода иллюзию он встраивается наиболее органичным образом. После кризиса эта кажущаяся свобода была утрачена, а её эвентуальный субъект оказался дискредитированным в плане реальности. Обнаружилось слишком много фактов, которые невозможно было интегрировать сущностным образом, но которые при этом заявляли о себе в той мере, в какой явление утрачивало свою детерминативную идентичность, что предполагало очевидное выпадение последнего из факторного комплекса его собственного генезиса.

Ответами на этот вызов, обладающими условной и пропедевтической значимостью, можно было считать три основных концептуальных решения проблемы соотношения бытия и мышления в аспекте их сущностного

единства. В абсолютном историцизме Б. Кроче проблемная пресуппозиция была квалифицирована как несуществующая исторически *in concreto*, а потому мнимая, то есть имеющая значение только для вульгарного мышления: «Вульгарное есть не что иное, как приписывать полноту реальности родам, видам, классам, рассуждая о них как о чём-то существующем, употребляя клише и предрассудки, повторяя сказанное кем-то» [11, с. 75]. Крочеанская аргументация расправляется с вульгарностью абстрактно-рассудочного мышления, но не затрагивает косности того бытия, которое порождает это мышление исторически. В актуализме Дж. Джентиле существо дела (*die Sache Selbst*) проблемной коллизии видится в подмене конкретного логоса (мысли мыслящей) абстрактным (мысль мыслимая), а живой реальности – эскапистской трансценденцией. Единство бытия и мышления для Дж. Джентиле предполагает, что «наше определение – не образ или логический дубликат реальности, трансцендентной по отношению к логическому акту: оно тождественно и едино с этим актом» [7, с. 88]. Но *actus purus* в джентилианском понимании диалектичен, а потому не обладает резольютивными возможностями для преодоления эффекта трансцендентальной видимости. В критической онтологии Н. Гартмана мышление низводится до ослабленной предпосылочной модальности бытия, что совместимо с отсутствием резольютивности в апоретике ступенчатости (*Stufung*) и слоистости (*Schichtung*). В гартманизме бытие берётся безотносительно к его смыслу: «...новая онтология отличается от старой тем, что возникает лишь при открытии обратной дороги к *intentio recta*» [4, с. 163]. Таким образом само бытование сущности ставится в зависимость от наличия прецедента данности, которая необходимым образом не воспроизводится мышлением. Итак, все три пропедевтических ответа оказываются недостаточными с точки зрения резольютивности: 1) в абсолютном историцизме источник проблемы усматривается в неполноте, 2) в актуализме – в дефицитности опосредствования (*Vermittlung*), а 3) в критической онтологии – в отсутствии лимита рекурсивности. Единство бытия и мышления в своей уязвимости оказывается тематизируемым по критериям 1) полноты (*summum*), 2) середины (*medium*) и 3) предела (*ultimum*).

Резолюты онтогносеологического эссенциализма

Обоснование онтогносеологического эссенциализма в резольютивном ключе составляет приоритетное достижение «теории дистинкций», построенной великим советским философом М. А. Лифшицем. Будучи выдающимся эстетиком, литературоведом и критиком, М. А. Лифшиц был непримиримым оппонентом вульгарного социализма в литературоведении и в эстетике, что побудило его к полемике с приверженцами теории «классовой психоидеологии», в которой он усматривал очевидный рецидив раскритикованной В. И. Лениным шулятиковщины. Философ принял постулаты ленинской теории отражения в качестве тематического формата диалекта господствующего сознания, что позволило ему выстроить свою особую редакцию онтогносеологического эссенциализма, в которой марксистское доктринальное решение «основного вопроса философии» приобретает значимость ключевого полемического аргумента. «Полемический марксизм» М. А. Лифшица коренным образом отличается от лосевского «иронического марксизма» тем, что в нём нет расчёта на поддержание видимого консенсуса с идеологической догмой, а наличествует прочтение последней как практического отражения резольютивного единства бытия и мышления, взятого в аспекте его преломления в духе принципа конкретного историзма. Онтогносеологический эссенциализм М. А. Лифшица находится между Сциллой советской идеологической ортодоксии и Харибдой критического ревизионизма. Вот почему особую значимость в нём приобретает проблема гегелевской «истинной середины» (*die wahre Mitte*), оттесняющая на второй план вопрос о полноте (*summum*) реальности и требующая сведения предельности (*ultimum*) к резольютивному аспекту конкретно-исторической манифестации опосредствования (*Vermittlung*) единства бытия и мышления. М. А. Лифшиц, откликаясь на ильенковскую позицию в дискуссии о проблеме идеального, учил: «...мысль не в голове, а в вещах и отношениях, которые отражаются, сказываются в ней, если это действительно мысль, отвечающая своему понятию, потому что она отвечает своему предмету, достигнутому достаточного тождества с самим собой и потому определённо, или прегнантно выраженному и доступному активной деятельности нашего сознания» [13, с. 285]. Сохранение узнаваемого гегелевского акцента в аспекте понятийного соответствия необходимо не только для поддержания гилеморфистской аристотелевской дефиниции истины (*adaequatio rei et intellectus*) в статусе симптоматически-значимого подтверждения тезиса о классике как о норме бытия, но и по показаниям рекурсивности понятия об активности сознания, восходящего к онтологическому монизму в Спинозистском смысле. У М. А. Лифшица резольютивность раскрывается через своё прегнантное выражение в аквизитах нормального субъекта самосознания, характеризующегося историчностью *in concreto*.

Исходя из неустраимости субъектно-объектного дифференциала, М. А. Лифшиц трактует его понятийную артикулированность на системном уровне в качестве резольютивного критерия, задающего лимиты предметной реификации идеируемой прерогативной инстанции. Через примыкание к ней субъект снимает свою ограниченность. В этом состоит радикальное отличие онтогносеологического эссенциализма от эскапистского спиритуалистического понимания трансценденции и от экзистенциальной прихотливости постмодернистской трансгрессии. М. А. Лифшиц учил: «Когда я говорю, что слепое сознание, примыкая к более широкому объективному содержанию, *становится шире самого себя*, становится *адекватным и истинным*, это так. Но каким образом становится *возможным* это *примыкание* в отличие от простого выражения? Только через особые субъективные состояния мира = *идеи, дух вещей*, глаголящий нашими устами, но и нуждающийся в них» [15, с. 43]. Рассудочная абстрактная метафизика представляет примыкание к тотальности через прерогативную инстанцию

как индифферентную иллюзию, поглощение конкретной определённости субъекта либо материальным фатумом, либо спиритуалистическим преформизмом. М. А. Лифшиц усматривает в этом утрату субъектно-объектного дифференциала, приводящего к забвению дистинкций реального гистерезиса *in concreto*, что противоречит очевидностям, взятым в их резольютивном качестве. Истинный смысл абстракции, претендующей на нормативную классичность, согласно диалектике М. А. Лифшица, состоит в том, что селективная идеализация должна мыслиться как симптом, раскрывающий сущностные лимиты формализуемого единства развивающейся материальной целостности. Именно в этом состоит смысл «теории дистинкций» применительно к резольютивному аспекту эквиваленции бытия и мышления: «Однако такое эквивалентное воплощение *целого в одном* есть лишь ступень материального процесса, и самое большее, что можно сказать, состоит в том, что эта ступень необходимо требует *отражения, рефлексии* в другом» [14, с. 221]. При этом условия становится осуществимым переход от 1) подлинного содержания к 2) замещённому, а от него – к 3) превращённому, раскрываемому в переходе от 1) понимания через 2) познание к 3) постижению сущностного единства бытия и мышления. Этот резольютивный переход по норме классичности обеспечивают категории, за счёт чего эпистема приобретает не только общезначимость в процессе трансляции, но и конкретность содержательного исполнения.

Заключение

Выводы, характеризующие резольютивность онтогносеологического эссенциализма, легитимируют категориальный порядок, в котором раскрывается сущностное единство бытия и мышления по классической норме перипатетической категориальной декады Аристотеля.

1. Тематическое единство содержания субстанциально. Оно наличествует в сущностном единстве бытия, мышления и языкового выражения, декларируемого в марксистском тезисе о единстве онтологии, логики и теории познания. Сущность (*essentia*) понимаема, познаваема и постижима через категориальные комплексы, интегрируемые посредством резольютов.

2. Резольют многообразия (*multiplex*) исполним через категории качества (*qualitas*), количества (*quantitas*) и отношения (*relatio*).

3. Резольют соответствия (*congruum*) исполним через категории времени (*quando*), места (*ubi*) и положения (*situs*).

4. Резольют жизненности (*vividum*) исполним через категории действия (*actio*), претерпевания (*passio*) и эйдетической конституции (*habitus*).

5. Перечисленные резольюты достаточны для сущностной формализации содержания, но переменны в порядке данности: а) в подлинном содержании *clare et distincte* позиционированы все три резольюта в порядке их нормативного следования, б) в замещённом между двумя резольютами распознаётся взаимно-однозначное соответствие, достаточное для познания с субъектно-объектным дифференциалом, в) в превращённом содержании постижим только один резольют в качестве идеата прерогативной инстанции через строгую дизъюнкцию анамнезиса или гистерезиса.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы резольютивности в онтогносеологическом эссенциализме состоят: 1) в дисциплинарном завершении онтогносеологии как науки о содержательном единстве бытия и мышления с признаками нормативной общезначимости, 2) в критике онтологической мнимости несчастного сознания и 3) в построении резольютивной теории познания без догматических допущений, ведущих к трансцендентальной подтасовке понятий. Дух эпохи (*Zeitgeist*) стремится к преодолению абстрактности той формы, которая налагается на него фатумом предметной незавершённости. Преодолев последний, философия как наука станет адекватной тем гуманистическим ценностным прималитетам, которые легитимируют её жизненное призвание.

Источники | References

1. Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем. М.: Красанд, 2010. 144 с.
2. Бюхнер Л. Сила и материя: очерк естественного миропорядка вместе с основанной на нём моралью, или учением о нравственности. Изд-е 2-е. М.: Кн. дом «Либроком», 2010. 304 с.
3. Вольф Х. Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще // Христиан Вольф и философия в России. СПб.: РХГИ, 2011. С. 230-358.
4. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. 445 с.
6. Гильдебранд Д. фон. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1997. 374 с.
7. Джентиле Дж. Введение в философию. СПб.: Алетейя, 200. 470 с.
8. Дюринг Е. Ценность жизни. М.: Харвест; АСТ, 2000. 336 с.
9. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2012. 736 с.
10. Корнелиус Г. Введение в философию. М.: КомКнига, 2011. 328 с.
11. Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб.: Пневма, 1999. 480 с.
12. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. 734 с.
13. Лифшиц М. А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 368 с.

14. Лифшиц М. А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». М.: Искусство XXI век, 2004. 512 с.
15. Лифшиц М. А. *Varia*. М.: Грюндриссе, 2009. 172 с.
16. Маймон С. Критические исследования о человеческом уме, или о высшей способности познания и воли. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2017. 306 с.
17. Мессер А. В. Введение в теорию познания. М.: КомКнига, 2007. 184 с.
18. Фейербах Л. Сочинения: в 2-х т. М.: Наука, 1995. Т. 1. 502 с.
19. Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792-1801 гг. М.: Ладомир, 1995. 666 с.
20. Фишер К. История новой философии. Готфрид Вильгельм Лейбниц: его жизнь, сочинения и учение. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 734 с.
21. Фулье А. Свобода и необходимость. М.: Изд-е К. Т. Солдатенкова, 1900. 426 с.
22. Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма. Л. - М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ (Ленингр. отд-ние), 1936. 480 с.
23. Шопенгауэр А. Об интересном. М.: Олимп; АСТ-ЛТД, 1997. 432 с.
24. Штирнер М. Единственный и его собственность. Х.: Основа, 1994. 560 с.
25. Якоби Ф. Г. Дополнения VI и VII к «Письмам об учении Спинозы» (1798) // Гаман И. Г., Якоби Ф. Г. Философия чувства и веры. СПб.: Издательский центр «Академия», 2006. С. 170-197.

Информация об авторах | Author information

Огнев Александр Николаевич¹, к. филос. н.

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Ognev Alexander Nikolaevich¹, PhD

¹ Samara State University

¹ ognev.ssau@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.04.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): резолюты; онтогносеология; эссенциализм; сущность; прерогативная инстанция; resolutions; ontognoseology; essentialism; essence; prerogative instance.